

Григорию Скибинскому написать книгу, в которой была бы изложена правдивая история правления римских пап («жития пап и возшествие их на тое достоинство»), а также описаны различия («разнства») между православной и католической церквями.

Предложения патриарху сурово наказать вероотступника, высказанные Евфимием Чудовским в рассмотренном сочинении, получили свое воплощение в новой редакции «Изречения». Остается вопрос: почему Евфимий не внес их уже в первый вариант текста? Скорее всего, он вынужден был руководствоваться мнением патриарха Адриана по поводу решения дела Григория Скибинского, которое первоначально, по-видимому, было относительно снисходительным, но со временем по каким-то причинам изменилось в неблагоприятную для церковного отступника сторону. Однако чтобы более определенно судить об обстоятельствах, влиявших на создание и редактирование рассмотренного текста, необходимы дополнительные научные разыскания и новые филологические факты.

Н. С. Гурьянова
Новосибирск

Максим Грек и старообрядцы

Тема, сформулированная в заглавии статьи, была основной для Анатолия Тимофеевича Шашкова в период его становления как ученого, историка-профессионала высочайшего класса. Ему по силам было решение любой научной проблемы, круг интересов был очень широк, но старообрядчество всегда оставалось в центре его внимания. В ряде статей А. Т. Шашков благодаря детальному анализу введенных им в научный оборот архивных материалов воссоздал яркие, выразительные образы защитников старого обряда, которые обогатили, а в некоторых случаях и уточнили наши представления об этом религиозно-общественном движении. Многое было сделано им и в области изучения формирования системы книжных авторитетов старообрядчества. В работах А. Т. Шашкова

© Гурьянова Н. С., 2009

ва было прослежено, каким образом защитники старого обряда осваивали творческое наследие Максима Грека, в результате чего в начале XVIII столетия было составлено особое Поморское собрание его сочинений¹.

Анатолию Тимофеевичу удалось на конкретных, очень ярких примерах продемонстрировать высочайший уровень знания старообрядцами рукописного наследия афонца. Например, он обнаружил не известный ранее факт разоблачения выговцами попытки официальной церкви совершить подлог, внося коррективы в текст сочинения Максима Грека. Глубокий научный анализ всей совокупности дошедших свидетельств позволил А. Т. Шашкову со всей очевидностью выявить вполне научный подход старообрядцев к разоблачению подделки². В этом случае особенно заметно, что решение им актуальных научных проблем на высочайшем профессиональном уровне было возможно не только благодаря обширным знаниям рукописного наследия как самого Максима Грека, так и старообрядцев; определенную роль при этом играли поразительная научная интуиция, а также удача в архивных поисках.

Ярким примером сочетания столь важных для исследователя качеств может служить введение Анатолием Тимофеевичем в научный оборот сборника РГБ (Собр. Егорова. № 383; далее – Е. 383), в котором был зафиксирован факт разоблачения попытки официальной церкви фальсифицировать текст сочинения Максима Грека о крестном знамении в рукописи РГБ (Собр. Троицко-Сергиевой лавры. № 200). Удачей можно считать уже находку этого сборника из собрания Егорова и выявление в нем записи по поводу рукописи сочинений Максима Грека, расположенной на л. 30–31. Но прежде чем процитировать ее и проанализировать, что было сделано в статье очень профессионально, Анатолий Тимофеевич дал не только научное описание сборника, но и точную характеристику его содержа-

¹ См.: *Шашков А. Т.* Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982.

² См.: *Шашков А. Т.* Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 80–87.

ния³. Естественно, особенно подробно он рассмотрел ту часть, которая была связана с именем Максима Грека. В данном случае проявились его глубокие познания во многих областях и научная интуиция, позволившая почувствовать важность отмеченной информации и сделать вывод о ее значении для становления авторитета афонца в среде старообрядцев.

Приведем фрагмент статьи с характеристикой этой части содержания сборника, помещая в круглых скобках текст ссылок: «Около четверти сборника так или иначе связано с именем Максима. Составители книги неоднократно и почти целиком приводят Сказание Максима Грека о двуперстии (Е. 383. Л. 8 об. – 9 об., 116 об. – 117 об.), сопровождая его то рассуждениями Герасима Фирсова, взятыми из его “Тетрадей на крест” (Е. 383. Л. 48–54, 288 об. – 289), то подборкой “свидетельств” об авторитетности Максима Грека, которая дается и в кратком (Е. 383. Л. 7 об. – 8 об.), и в развернутом виде (Е. 383. Л. 54–66). Здесь мы видим выдержки из летописной книги Троицкого монастыря, из таблицы у Гроба Максима Грека и из Выписи о втором браке Василия III, грамоты греческих патриархов Иоакима и Дионисия, выписки из книги “Щит веры” московского патриарха Иоакима, из Предисловия инок Селивана к Беседам Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, напечатанного в 1664 г., из книги, изданной в Вильне в 1585 г. (описание этого издания см.: И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730. Вып. 1 : С 1491 по 1600 г. СПб., 1878. С. 210–215), описание образа Максима Грека у гроба его в Троицком монастыре (можно предполагать, что

³ Эта информация придала значимость вновь введенному в научный оборот сборнику и, естественно, привлекла внимание исследователей. О. К. Беляева, занимаясь анализом текста этого сборника и обозначив его как «компиляцию о крестном знамении и аллилуйе», нашла еще семь списков. Это указывает не только на распространенность «компиляции» в старообрядческой среде, но и на уважительное отношение к тексту, поскольку он переписывался почти дословно, в редких случаях дополнялся новыми цитатами, должными, по мысли переписчиков, укрепить позиции защитников старого обряда. Перечень списков см.: Беляева О. К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 10, сноска 3.

выговские старообрядцы не только видели описанный ими образ, но и скопировали его вместе с надписью на таблице. Отражением этого является сходное с описанным в Егоровском сборнике изображение Максима в одном старообрядческом сборнике (РГБ. Собр. Пискарева. № 160), “свидетельство” от древних книг Максима Грека в Троицком монастыре, в которых пишется о двуперстии, и, наконец, выдержку из “Скрижали”»⁴.

В данном случае Анатолий Тимофеевич не ставил перед собой задачу проанализировать представленный материал, он только подчеркнул, что эта часть сборника, составленного в 1711 г., явно послужила дальнейшему укреплению авторитета Максима Грека в среде старообрядцев. Это происходило, как удалось детально проследить А. Т. Шашкову, параллельно с процессом широкого освоения идейно-литературного наследия афонца, завершающим этапом которого стало составление в 1721 г. особого старообрядческого собрания его сочинений. Столь пространную цитату из статьи мы привели потому, что она позволяет получить достаточно полное представление о части сборника, связанной с именем Максима Грека, а также увидеть, насколько точно автор смог оценить важность этого материала и охарактеризовать его. Постараемся показать особую ценность этой части сборника Е. 383, обратившись к анализу ее текста. Разумеется, в рамках статьи мы сможем привести только несколько ярких примеров.

В центре внимания старообрядцев в этом случае, как справедливо отметил А. Т. Шашков, было Сказание Максима Грека о двуперстии, которое составители сопровождали то рассуждениями Герасима Фирсова, взятыми из его «Тетрадей на крест», то подборкой «свидетельств об авторитетности Максима Грека». Здесь очень точно обозначены две составляющие этой части сборника – фрагменты из произведения, посвященного защите двуперстного крестного знамения, и аргументы в пользу авторитетности афонца. Обратив внимание на факт использования составителями сборника сочинения Герасима Фирсова, Анатолий Тимофеевич проясняет вопрос об исходном тексте, который был положен составителями в основу, причем не только той части сборника, которая связана с именем Максима Грека, а всей, посвященной обсуждению проблемы крестного знамения.

⁴ Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба ... С. 85–86.

Уже в ее заглавии дана аннотация содержания: «Собрание от Божественного Писания, древняго предания, святых апостол и святых отец. Како подобает всякому православному христианину и священному чину слагати персты десныя руки и крестити лице свое крестообразно и истово, тако и благословляти... Еже о том истинно свидетельствуют Божественная Писания, святые книги и честные иконы и яко обои едину повесть благовествуют, Евангелие бо словом повествует, живописание же и делом исполняет»⁵. Вначале помещено обращение к читателю с просьбой «утвердить смысл вниманием глаголемых zde... не помышляти, ниже пытати кто есть писавый сие, точию внимати пишемым. Не своя бо писаше, но Божия и от Божественных Писаний»⁶. Это предисловие достаточно типично для такого рода сборников. В нем лейтмотивом проходит мысль о необходимости не только знания текстов Священного Писания, но и правильного их истолкования. В сборнике Е. 383 вводную часть заключает следующая фраза: «Мы, имущие самый источник Святых Писаний, струй не требуем, светящу самому солнцу, показании лучи звезд погасают, стояще на известном основании, на крепком утверждении Писания Святаго, указаний и свидетельствах, к песку вымышлений, прилогов и приуподоблений не требующе»⁷. Затем без какого-либо обозначения составители продолжили рассуждения, включив фрагменты из сочинения Герасима Фирсова, составляющие ту его часть, в которой приведены основные аргументы в защиту двуперстного крестного знамения.

При сопоставлении текстов из сборника Е. 383 и сочинения «О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подобает всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста»⁸, оказалось, что произведение Герасима Фир-

⁵ Е. 383. Л. 33–33 об.

⁶ Там же. Л. 33 об. — 34. Нач.: «Хотящим сие писание прочитати или послушати, молю, первое...».

⁷ Е. 383. Л. 35 об.

⁸ Опубл. в: *Никольский Н.* Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. (К истории северно-русской литературы XVII века) // ПДПИ. СПб., 1916. Т. 188. С. 147–196. Далее ссылки на сочинение «О сложении перстов...» приводятся с указанием его названия и страниц, на которых данный текст помещен в ПДПИ.

сова составило ядро изложения обсуждаемой проблемы. Начиная с л. 35 об. идет практически дословное цитирование его сочинения. Очень редко вносятся совсем небольшие коррективы, иногда фраза опускается или заменяется другой. Характерным примером может служить начало сочинения Герасима Фирсова:

О сложеннии перстов... С. 147

Е. 383. Л. 35 об.

Понеже прошение твое бысть, и понудил мя еси, еже дати тебе написано твердое же и известное свидетельство от Божественных Писаний о сложеннии перстов десныя руки, ими же воображаем на себе вернии знамение честнаго креста, и что лепо есть, яко да творим, да не неведением носими от истинны отпадем и под клятвы отеческия себе подложим, яко же впрעדъидый слово объявит. И ты убо, якоже есть вера твоя и любовь, принудил еси недостойнство мое. Аз же, ведая грубость свою, яко выше есть силы моя, отлагах сие, от совести же стречем всегда, паче же и мнозех зря сомнящихся о сем. Еще же и словеса отеческая во уме приях, якоже глаголют о сем: мнози, рече, глаголющи, творящи же мали, но никто же должен есть своего ради нерадения слово Божие таити, но исповедовати убо всем свою немощь, Божия же истинны не скривати.

Но покажем твердое же и известное свидетельство от Божественных Писаний о сложеннии перст десныя руки, ими же воображаем на себе вернии знамение честнаго креста, и что лепо есть, яко да творим, да не неведением носими от истинны отпадем и под клятвы отеческия себе подложим, яко впрעדъидый слово объявит. Аз же, ведая грубость свою, яко выше есть силы моя, глаголах сие, от совести же стречем всегда, паче же и мнозех сомнящихся о сем. Еще же и словеса отеческая во уме прият, якоже глаголют о сем: мнози, рече, глаголющи, творящи же мали, но никто же должен есть своего ради нерадения слово Божие таити, но исповедати убо всем свою немощь, Божия же истинны не скривати.

Составители сборника посчитали необходимым исключить только те фразы или их части, в которых присутствует обращение Герасима Фирсова к адресату, «понуdivшему» его написать это сочинение. В начальной фразе такое обращение было заменено на словосочетание «но покажем», что позволило составителям ввести текст сочинения Герасима Фирсова без каких-либо объяснений и сделать его логичным продолжением предшествующих рассуждений. Далее следует воспроизведение текста сочинения Герасима

Фирсова, в который внесены совсем небольшие изменения, не меняющие смысла. Составители очень уважительно отнеслись к суждениям соловецкого инок не только в этом случае, но и при дальнейшем цитировании, сохранив их суть, опустив только некоторые разъясняющие фразы. Создается впечатление, что они постарались, оставив практически без изменений ту часть текста из сочинения «О сложении перстов...», в которой были приведены основные аргументы в пользу двуперстного крестного сложения, еще более усилить аргументацию. Сделали они это разными способами.

Например, Герасим Фирсов процитировал текст так называемого Феодоритова слова⁹, указав на поле источник: «Псалтырь Московской друкарни, Кирила Иерусалимского слово о кресте, глава 14. Книга новая о вере, глава 9»¹⁰. Действительно, в нескольких изданиях Псалтири, начиная с 1641 г., в предисловной части печаталась статья «О крестном знамении»¹¹. Этот текст был включен в сборник «Кириллова книга» в качестве 14-й главы. В нем были приведены основные сочинения, в которых утверждалось двуперстное крестное знамение. Естественно, цитировалось и Феодоритово слово. В 9-й главе «Книги о вере» уже без воспроизведения соответствующих текстов единственной формой крестного знамения провозглашалось двуперстие¹². Противники реформ, начатых патриархом Никоном, отстаивая неправомерность нововведений, апеллировали прежде всего к этим печатным изданиям. Официальная церковь попыталась объявить их не вполне соответствующими ортодоксальному варианту православия. Защитники старой веры будут отстаивать свое право оставить их в кругу авторитетных, но в сборнике

⁹ Об этом сочинении см.: *Каптерев Н. Ф.* Оправдание на несправедливые обвинения // *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 2003. С. 172–188; *Успенский Б. А.* Крест и круг. Из истории христианской символики. М., 2006. С. 15–113, 311–354.

¹⁰ О сложении перстов ... С. 153–154.

¹¹ Об этих изданиях см.: *Вознесенский А. В.* К истории дониконовской и никоновской книжной sprawy // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 148–149.

¹² О московских изданиях сборников «Кириллова книга» и «Книга о вере» см.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.

Е. 383 составители предпочли привести текст Феодоритова слова, сославшись не на московские печатные издания, как это сделал Герасим Фирсов, а на рукопись. В данном случае старообрядцы продемонстрировали вполне научный подход к решению дискуссионного вопроса¹³.

В начале XVIII в. старообрядцы посчитали необходимым перед текстом Феодоритова слова поместить описание рукописи, из которой он копировался: «Книга древняя Чюдова монастыря в десть (“Никоновых правил Черногорского”). А та книга в свидетельство приведена в книге новопечатной “Увете духовном”, во главе 11, на листу 159-м, на обороте»¹⁴. Воспроизведя Феодоритово слово по этой рукописи, в конце составители еще раз подчеркнули этот факт завершающей фразой: «Дозде ис книги Никоновы Чюдова монастыря старописменные». Древность рукописи, естественно, являлась для старообрядцев гарантией «истинности» написанного в ней текста. Авторитетность этой конкретной книги они подтвердили тем, что именно ее приводит в «свидетельство» иерарх официальной церкви.

Затем они подробнейшим образом описали еще одну рукопись: «И паки видех книгу на Москве, в ризнице патриаршей, а на ней прилеплена бумажка и написано сие: Книга святого Феодорита, ветха в полдесть. А на затылке тако же написано число, крупныя слова, сие: 513. И в росписи книжной написано же сие: Книга святого Феодорита, ветха, писменная, в полдесть. И подпис в той книге на нижних полях на 20 листах сие: Лета 7169-го сию книгу положил в дом святого живоноснаго Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Новаго Иерусалима смиренный Никон, Божию милостию патриарх и прочее»¹⁵. Перечислены все внешние при-

¹³ Именно в таком ключе, с привлечением всех дошедших редакций и списков так называемого Феодоритова слова, происходило обсуждение вопроса о форме крестного знамения в Древней Руси в конце XIX в. двумя учеными — Н. А. Субботиным и Н. Ф. Каптеревым. См. ответ Н. Ф. Каптерева на статью Н. А. Субботина «О перстосложении для крестного знамения (Разбор статьи г. Каптерева)», напечатанную в журнале «Братское слово» за 1887 г., опубликованный в кн.: *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 2006. С. 159–226.

¹⁴ Е. 383. Л. 38 об. — 39.

¹⁵ Там же. Л. 40–40 об.

знаки конкретной рукописи, воспроизведена даже часть записи, причем очень точно, о чем свидетельствует написание имени Иисус. Составителям важно было подчеркнуть, что эта рукопись принадлежала патриарху Никону, для этого они процитировали его «подпись».

Все это нужно было старообрядцам для того, чтобы придать этой рукописи значимость. Самым важным для них было содержание, которое охарактеризовано так: «А сначала писано в той книге красным сице: Святаго Феодорита. Сице благословити рукою и креститися и прочее все, якоже речеса в старописменной книге чудовской Феодоритово о сложении перстов... То же обретається и во иных древних книгах Феодоритово о сложении перстов, тако же и в печатных книгах»¹⁶. Последняя фраза отсылала читателя к сочинению Герасима Фирсова, в котором Феодоритово слово было воспроизведено по московским печатным изданиям.

К началу XVIII в. защитники старого обряда сумели найти достаточно веские аргументы в пользу своей точки зрения. Были выявлены все рукописи, на которые можно было опираться, защищая право оставаться в оппозиции к нововведениям патриарха Никона. Это позволило составителям сборника Е. 383, взяв в качестве основы сочинение Герасима Фирсова, значительно усилить его доводы. Ярким примером может служить рассмотренный факт цитирования Феодоритова слова по авторитетной рукописи, а не по печатным изданиям, которые упоминаются в самом конце в качестве дополнительного аргумента. После этого составители продолжили практически дословное воспроизведение сочинения «О сложении перстов...», только в самом начале позволив себе заменить сочетание «Сей же Феодорит»¹⁷ на «Святой же Феодорит»¹⁸. В этой части сочинение Герасима Фирсова знакомило читателей с дошедшими известиями об авторе Феодоритова слова. Приведенную цитату из «Книги Никонской»¹⁹ автор закончил так: «Сего же бла-

¹⁶ Е. 383. Л. 40–40 об.

¹⁷ О сложении перстов ... С. 154.

¹⁸ Е. 383. Л. 40 об.

¹⁹ Никон черноморец (XI в.), монах Черной горы близ Антиохии, автор «Пандектов» и «Тактикона». О нем см.: Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 180.

женного Феодорита преподобный сей Никон сице свидетельствует». После этого он сослался на авторитет Максима Грека: «Подобне же сему и Максим Грек, инок Святыя Горы, в книзе своей блаженным именует его. И в Слове, еже на латинов о Святем Дусе, на многих местех воспоминает его»²⁰.

Далее составители сборника поместили вставку, в которой они не только продолжили перечисление сочинений Максима Грека, где упоминается Феодорит, но и привели соответствующую цитату: «Тако же и в предисловии Толковыя Псалтыри своего преводу глаголет о нем сице: Феодорит многоученнейший и добреучительнейший... Беседа же его еллинска есть зело и прееяснейша и благодатей, и премудрости исполнена»²¹. Это дополнение не нарушило логику изложения Герасимом Фирсовым обсуждаемой проблемы, а еще более усилило доказательную базу. После этого составители опять продолжили воспроизведение сочинения «О сложении перстов...». Мы привели несколько примеров того, как старообрядцы в начале XVIII в. попытались дополнить сочинение Герасима Фирсова новыми аргументами, сохранив практически без изменений основной текст, но особенно ярко это проявилось в части, связанной с именем Максима Грека.

Составители включили в сборник весь фрагмент из сочинения Герасима Фирсова, связанный с именем Максима Грека, начиная со слов: «Еще же в книзе вышереченнаго Максима Грека, инока Святыя Горы, о том же паки крестном знамении...» до слов: «Смотрив бо обрящещи его не любоживотна и не боящася напастей, егда потреба бе, но и дерза и обличительна и любоистинна зело»²². При этом они очень бережно и уважительно подошли к тексту, внося в него совсем небольшие изменения, подобно тому, как мы уже показали в приведенных ранее примерах²³. Дополнительные аргументы в этом случае приведены в заключении, где помещена подборка текстов, обозначенная следующим образом: «Зде же и свидетельства многая предлагаем о том преподобном Максиме Греке, яко он из-

²⁰ О сложении перстов ... С. 155. Ср.: Е. 383. Л. 42.

²¹ Е. 383. Л. 42–42 об.

²² О сложении перстов ... С. 162, 167.

²³ См.: Е. 383. Л. 48–54.

бранный философ и православная вера учитель, еще же и новый исповедник, имать же сице»²⁴.

Далее в сборнике помещены фрагменты текстов с указанием, откуда они переписаны. Эта подборка собрана, как об этом говорится в аннотации, с целью утвердить авторитет афонца. Поражает тщательность проделанной старообрядцами работы. Они сумели найти и отобрать тексты, которые являются реально дошедшими до нас свидетельствами о жизни Максима Грека. О качестве и вполне научном уровне проделанной старообрядцами в начале XVIII в. работы может свидетельствовать тот факт, что научные публикации текстов сказаний о Максиме Греке и известий о нем начиная с конца XIX в. (включая современные) вполне сопоставимы с подборкой из Е. 383. Речь, разумеется, идет только о ее составе и продуманности в плане способности этих текстов утвердить авторитет афонца.

Совершенно очевидно, что старообрядцам было очень сложно осуществить задуманное, поскольку даже в конце XIX в. большой знаток рукописного наследия Древней Руси С. Белокуров, обратив внимание на тексты сказаний о Максиме Греке, констатировал: «Несмотря на всю важность, которую имеют в отношении к данному вопросу сказания о Максиме Греке, они не только не обследованы в достаточной мере, но даже и не приведены в нашей литературе в полную известность. Чтобы выяснить все вопросы, касающиеся их... мною были произведены тщательные поиски и просмотры их во всех библиотеках как общественных, так и из числа частных...»²⁵

Исследователь не только изложил результаты изучения всех обнаруженных рукописей, связанных с именем Максима Грека (их насчитывается более двухсот), но и опубликовал в приложении 9 найденных им текстов сказаний и известий, благодаря которым до нас дошли сведения о знаменитом афонце. Н. В. Сеницына, один из самых авторитетных исследователей творческого наследия Максима Грека и его биографии²⁶, осуществив научную публикацию наибо-

²⁴ Е. 383. Л. 54.

²⁵ Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 204–205.

²⁶ См.: Сеницына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977; *Ее же*. Максим Грек. Сер. ЖЗЛ. М., 2008; и др.

лее ранних сказаний о преп. Максиме Греке, во вводной статье подробнейшим образом охарактеризовала результаты изучения всех сказаний о Максиме Греке, начиная с их первой публикации, предпринятой С. Белокуровым, и до сегодняшнего дня, а также провела великолепный, очень тонкий анализ достоверности дошедших до нас свидетельств о Максиме Греке, сформулировала вполне обоснованные предположения об авторстве сказаний, представила многие спорные проблемы, предложив путь их решения²⁷.

В данном случае мы обратили внимание на научные публикации сказаний и известий о Максиме Греке, осуществленные в конце XIX в. и в наши дни, чтобы продемонстрировать вполне научный подход старообрядцев к отбору «свидетельств» с целью утверждения авторитета Максима Грека. В сборнике Е. 383 эту подборку открывает текст, озаглавленный следующим образом: «Троицкого Сергиева монастыря. Выписано из летописная книги о Максиме Греке»²⁸. Он был опубликован С. Белокуровым по рукописи XVIII в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры в разделе «Краткие известия о Максиме Греке» (№ 3) под таким заголовком: «Троицкия Сергиевы лавры выписано из летописная книги о Максиме Греке»²⁹.

Вариант этого текста представлен в публикации под названием: «Надпись на таблице у гроба преп. Максима, бывшая в Троице-Сергиевом монастыре. 1702 г.»³⁰ В этом случае немного отличается только первая фраза: «При державе великого князя Василия, сына великаго князя Иоанна, повелением его прислан (бысть) из Грек...» С. Белокуров считал, что этот текст был составлен на основании пространного «Сказания о преподобном Максиме философе, иже бысть инок Святыя горы Афонския преславныя обители Ватопедския, иже zde и пострада довольна лета за истину»³¹. Он обратил внимание на тот факт, что эта «надпись на таблице» встречается в некоторых

²⁷ См.: *Синицына Н. В.* Сказания о преподобном Максиме Греке. М., 2006. С. 3–72.

²⁸ Е. 383. Л. 54–55 об.

²⁹ *Белокуров С.* О библиотеке ... С. VII–IX. Нач.: «При державе великаго князя Василиа Ивановича, повелением его прислан из Грек Цареградским патриархом Святыя горы монах Максим Грек».

³⁰ *Белокуров С.* О библиотеке ... С. XXXIX–XL.

³¹ Там же. С. XXXI–XXXVIII.

рукописях с заголовком «Троицкия Сергиевы лавры выписано из летописных книги о Максиме Греке»³². Исследователь опубликовал в приложении оба текста, хотя и подчеркнул их идентичность. Старообрядцы в XVIII в. поступили иначе. Рядом с заголовком на поле они поместили следующую информацию: «Сие написание есть у гроба преподобнаго Максима Грека на позлащенной таблице»³³.

Этот текст явно привлек старообрядцев своей краткостью изложения биографических сведений. В нем было подчеркнуто, что Максим Грек приехал в Россию по приглашению великого князя в качестве знатока иностранных языков: «Бе же сей Максим велми хитр еллинскому, римскому и славенскому наказанию и от внешних учений ничтоже утаися от него и о божественней философии несытно рачительство имея». Затем очень лаконично описаны первые годы его пребывания в Москве, осуждение и заточение в монастырях. Нас в данном случае будет интересовать не степень достоверности сообщаемых сведений, а только то, каким образом они помогали составителям сборника Е. 383 представить Максима Грека в качестве «православных веры учителя». В этом плане показательно включение в подборку «свидетельств» Тропаря и Кондака «преподобному Максиму Греку Святыя Горы»³⁴. С. Белокуров тоже посчитал их важными «свидетельствами» для воссоздания образа Максима Грека, опубликовав в приложении³⁵.

С точки зрения составителей сборника Е. 383, в укреплении авторитета афонца должны были помочь копии грамот вселенских патриархов Иоакима и Дионисия, которые введены в подборку следующим образом: «К тому же великому князю Ивану Васильевичу писали грамоты вселенския патриархи с великим молением, дабы отпустил к ним того преподобнаго Максима Грека учителя православных веры. Имут же сице...»³⁶ Для старообрядцев было важно, что даже вселенские патриархи, высоко оценивая заслуги Максима

³² Белокуров С. О библиотеке ... С. 216.

³³ О времени составления таблицы см.: Там же. С. 216–217.

³⁴ См.: Е. 383. Л. 63 об. – 64. Текст Кондака помещен на вклеенном листе меньшего размера.

³⁵ См.: Белокуров С. О библиотеке ... С. XLI–XLII.

³⁶ См.: Е. 383. Л. 56–61. Ср.: Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. С. 352–358, № 7, 8.

Грека перед православием, «писали грамоты с великим молением», поэтому читателям следовало ознакомиться с их содержанием. Правильность выбора и явное понимание старообрядцами значимости этих текстов особенно заметны на фоне высказывания современного исследователя. Н. В. Сеницына, характеризуя источники для изучения биографии преподобного Максима Грека, отмечает, что «для периода после осуждения (1531–1555/56 гг.) они почти полностью отсутствуют, можно лишь назвать грамоты Александрийского патриарха Иоакима (4 апреля 1545 г.) и Константинопольского патриарха Дионисия II Ивану IV (июня 1546 г.) с просьбой о возвращении на Афон святогорского инока»³⁷.

Не менее показательно и включение старообрядцами в подборку «свидетельств» текста, представленного следующим образом: «Да в книге же Беседы на Евангелие, печатано в лето 7172, в предисловии пишет сице: Преведена же бысть от еллинскаго премудрейшаго языка сия душеполезная книга в словенороссийский язык иноком Селиваном, обители живоначалныя Троицы и преподобнаго Сергия Радонежскаго, учеником бывшама Максима Грека, в лето 7032 в матере градовом, в преименитом и пресловущем граде Москве...»³⁸ Этим текстом, в качестве самого раннего, открывает публикацию «свидетельств» Н. В. Сеницына, озаглавив его так: «I. Свидетельство троицкого монаха Селивана. 1524 г. Из Предисловия-послесловия к переводу Бесед свт. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея»³⁹. Текст в этом случае приведен по рукописи РГБ (Ф. 98. Собр. Егорова. № 920). Уже начало дает представление о том, что он послужил основой для составления использованного старообрядцами предисловия к печатному изданию: «Преведена же бысть от еллинскаго премудрейшаго языка сия душеполезная книга на руской язык в лето 7032-го в матери градовом, в преименитой и пресловущей Москве...». Не вызывает сомнения, что издатели воспроизвели именно это предисловие-послесловие, несколько дополнив необходимыми сведениями. Старообрядцы включили в сборник текст из московского печатного издания, указав точные сведения о дате вы-

³⁷ Сеницына Н. В. Сказания о преподобном Максиме Греке. С. 9.

³⁸ Е. 383. Л. 61 об. – 62.

³⁹ Сеницына Н. В. Сказания о преподобном Максиме Греке. С. 74.

хода в свет⁴⁰. И в этом случае они отобрали и поместили в подборке весьма важное «свидетельство» современника о Максиме Греке, которое таковым признается исследователями и сегодня.

Каждый из включенных в сборник Е. 383 текстов оказывается очень ценным «свидетельством» о жизни Максима Грека или о его личности. Старообрядцы собрали этот материал уже в начале XVIII в. Разумеется, они проделали огромную работу по выявлению и отбору соответствующих текстов, преследуя цель утвердить авторитет Максима Грека, но им удалось составить подборку «свидетельств» о жизни и личности афонца, которая отличается особой полнотой. Мы обратили внимание только на несколько случаев включения старообрядцами текстов, но они позволяют увидеть, насколько точны были составители сборника Е. 383 в определении их важности для создания образа Максима Грека. Заслуга А. Т. Шашкова заключается в том, что он не только ввел в научный оборот этот сборник, но и показал его ценность.

О. Д. Журавель
Новосибирск

«Походим умныма очима...» (к изучению традиции поминовения в литературе старообрядчества)

Воспоминание об усопшем – неотъемлемая часть русской духовной культуры, нашедшая выражение в обрядовой практике. Наиболее полное литературное воплощение традиция поминовения получила в творчестве старообрядцев Выга, создавших большое количество надгробных слов¹. Этот барочный по происхождению

⁴⁰ См.: *Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелиста Матфея*. М., 1664 (7172). Описание издания см.: *Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный кат.* М., 1958. С. 94, № 309.

¹ См.: *Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература*. М., 2002. Т. 1. С. 357–407. Публикацию обширной подборки надгробных слов см.: *Ее же. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития* : в 2 т. М., 2008.